

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	7
Исповедь бывшей послушницы	17
<i>Вместо заключения</i>	271
<i>Примечания</i>	276

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда ты нашел смысл и истину в православии, то всё и все вокруг обещают (да и сам надеешься), что принадлежность к церковному сообществу и доверие старшим дают гарантии. Делай так-то и так-то, тогда спасешься — таких рецептов можно много прочесть во всякой благочестивой литературе. И вот, вроде все делал правильно, как в книжке написано, как батюшка благословил, вроде исполнял волю Божию... А получилось...

Книга Марии Кикоть — это попытка осмыслить, почему послушница превратилась в «бывшую» и ушла из образцово-показательного монастыря, куда ее благословил поступить духовный отец. Автор рассказывает, как в 28 лет она стала православной и попробовала идти по пути монашества, никак не ожидая, что святая обитель окажется тоталитарным адом. В книге нет какого-то остросюжетного «экшна» или интриги. Но жизнь женского монастыря как она есть, описанная изнутри, без прикрас, производит очень сильное впечатление.

«Исповедь бывшей послушницы» была написана автором не для публикации и даже не столько для читателей, сколько прежде всего для себя, с терапевтическими целями. Но повесть мгновенно срезонировала в православном рунете и, как многие заметили, произвела эффект бомбы. Оказалось, что «бывших» много. Оказалось, что бесправие послушниц и монахинь, безразличие начальства к их психическому и физическому здоровью, душевные страдания и поломанная жизнь — это не исключение, а скорее типичная ситуация для современной России. И автору удалось рассказать обо всем этом так, что заткнуть уши уже как-то не получается.

После того как Мария опубликовала свою «Исповедь» частями в Живом Журнале, ей ответили десятки женщин и мужчин: чтобы подтвердить истинность ее слов, чтобы дополнить их своими историями, чтобы поблагодарить за смелость и решимость. Получилось нечто похожее на флешмоб *#янебоюсьсказать* о пережитом сексуальном насилии, который недавно потряс русскоязычное интернет-сообщество. Только в рассказе Марии речь идет о насилии эмоциональном — о манипуляции людьми, которое и мучители, и жертвы выдают за истинную святоотеческую традицию православного монашества.

Нашлись, конечно, и критики. В чем бы Марию ни обвиняли, я не думаю, что она нуждается в защите или оправдании. История этой книги говорит сама за себя — своей искренностью и простотой она случайно попала в какое-то сокровенное место системы, и защищать его будут даже вопреки здравому

смыслу. Но о некоторых упреках в адрес автора я все-таки упомяну. Кто-то заметил, что заглавие не соответствует содержанию: в «Исповеди» нужно-де писать о своих грехах, а тут не видно укорения себя и раскаяния. Это, однако, не так. Нелишне вспомнить, что в православии (только настоящем, а не тоталитарном) исповедь (или покаяние) это таинство деятельного изменения себя, своей души через осознание своих ошибок, процесс, в котором Бог сотрудничает с человеком. Я вижу в книге Марии именно такую перемену ума — так переводится греческое слово «метанойя», покаяние — в отношении себя, своей веры и своего опыта. Другое сомнение некоторых читателей — в правдивости рассказанного. Тут можно и не комментировать — мне, скажем, вполне достаточно публичных свидетельств нескольких человек, непосредственно связанных с монастырем и упомянутых в повести. Скорее даже наоборот — Мария о многом умолчала: где-то по недостатку памяти, где-то из опасения навредить людям. Об этом она и сама пишет у себя в ЖЖ.

Самый успешный российский православный интернет-портал взял несколько интервью-комментариев по поводу «Исповеди» у нынешних игуменов и монахов РПЦ. Практически все они попытались оправдать монастырь и описанные в нем порядки, а автора обвинили в непорядочности и в отсутствии смирения и терпения. Один из респондентов, наместник Валаамского монастыря епископ Панкратий, не читавший повесть, выразил недоумение, почему же сестры до сих пор не ушли из такой обители, и посоветовал всем из плохого монастыря разбежаться. Если бы он все-таки прочитал «Исповедь», то он бы мог

в деталях узнать о механизме превращения людей в безвольных и преданных рабов, который так прекрасно описан Марией и на уровне психологической зависимости, и на уровне материального бесправия. Сопротивляться построенной системе, когда ты уже попал внутрь, практически невозможно. А те, кому удастся сбежать и справиться с чувством вины от того, что нарушил благословение игумении (а значит, конечно, и «волю Божию»), остаются наедине со своей собственной десоциализацией и депрофессионализацией, случившейся за годы пребывания в монастыре. Поэтому многим ничего не остается, как «покаяться» и вернуться. Но неужели епископ Панкратий, сам монах, который провел немало времени в церкви и знает о монастырской жизни значительно больше, чем кто-либо другой, ничего об этом не слышал?

Многие ответы-апологии прямо или косвенно доказывают правдивость книги. Это, например, письмо девяти игумений в защиту монастыря, подписанное его «выпускницами», духовными дочерьми игумении Николаи, которые теперь сами стали настоятельницами в российских женских обителях. В этом письме — даже если отвлечься от стилистики доноса в лучших советских традициях — матушки сообщают, что на самом-то деле в монастыре есть и сауна, и сыроварня, и аптека, и заграничные поездки для детского хора, и богатые трапезы... Но все эти атрибуты эффективного менеджмента для гостей и спонсоров никак не опровергают, а, напротив, подтверждают многие подробности, описанные Марией. Они лишь усиливают впечатление, что внешнее благолепие в нынешней церковной системе оказывается для кого-то из

церковных руководителей важнее, чем возрастание верующих людей во Христе.

Ни сама игумения Николая, ни вышестоящее церковное начальство пока никак не прокомментировали появление «Исповеди». А ответы разных других батюшек и матушек сводятся, по сути, к тем же советам ни о чем, которые в книге давал Марии ее духовник отец Афанасий: смирайся, терпи, кайся. Почему-то все они не могут или не хотят защитить вверенную им на попечение душу, что, вообще-то, и есть их первая пастырская обязанность (а вовсе не отстаивание корпоративных интересов).

Почему же такая бурная реакция? Очевидно, «Исповедь» задела какой-то ключевой узел современного российского православия. Главная ниточка в этом узле, за которую невольно потянула Мария — послушание начальнику, которое делается высшей и фактически единственной добродетелью. Мария показывает, как «послушание», «смирение» и «благоговение» становятся инструментами манипуляции и создания концлагеря для тела и души. Тема манипуляции в современной РПЦ недавно была поднята в публичной лекции психотерапевта Наталии Скуратовской, которая, кстати, тоже вызвала возмущение у некоторых верующих (правда, вопрос: верующих во что?). Смысл их возмущения сводился примерно к следующему: манипуляции в Святой Церкви? Да как вы могли осмелиться сказать такое?!

Между тем Мария в своей книге рассказывает именно о том, как старец, игумения, духовник злоупотребляют своей властью над доверившимися им людьми.

А средство манипуляции здесь — это искреннее стремление человека к истине и поиск Бога. Это страшно. Тут вспоминаются слова Евангелия, что есть грехи, которые не простятся ни в сем веке, ни в будущем. Вопрос, который возникает у нормального человека: как получилось, что мы так далеко зашли в поисках православной жизни, что апологеты игуменнии пеняют Марии на то, что она недостаточно возлюбила вот это вот все и потому сама виновата, что свернула со спасительного пути? Где и когда произошла и происходит подмена истины корпоративностью и субкультурой?

Другая ниточка — это монашество. Вроде как считается, что в миру все мирское и, соответственно, требования к чистоте жизни и служения ниже, тогда как у монахов — повышенная концентрация святости или по крайней мере борьбы с грехом. Если в обычном приходе в миру творится черт-те что — поп, например, корыстный, и духовной жизни ни у кого не наблюдается, — то это, в общем, объяснимо. Ведь все мы грешные и живем среди соблазнов и искушений мира. А вот когда оказывается, что у монахинь ангельского образа, невест Христовых, которые специально собрались, чтобы спастись и духовно возрастать, в специальное место, где они ограждены от мирских страстей и где должны быть все условия подвизаться — вот если у них не только процветает порок, но и приобретает еще более уродливые формы, чем в миру... Опять впору задуматься, что же происходит с РПЦ. Эта книга как минимум развенчивает миф о какой-то особенной святости монастырской жизни. Монахини — обычные люди, причем как они пришли в монастырь

обычными, так обычными и остаются, а святыми не становятся. И что гораздо важнее — рассыпается иллюзия безусловной спасительности пребывания в монастыре. Если в монастыре что-то пошло не так, то как бы тебя ни благословляли на подвиг старцы, как бы ты ни смирялся и ни терпел, скорее всего, ты нанесешь своей душе вред, и есть все шансы, что непоправимый. Поэтому спасибо Марии за книгу-предупреждение: теперь есть надежда, что те, кто ее прочтет, не будут уже слепо доверять своим духовным лидерам, не отступятся под их давлением от себя, от своей души, от своих собственных отношений с Богом, от своего призвания (монашеского или иного). А для уже ушедших из монастыря «Исповедь» будет поддержкой на пути к реабилитации. Потому что за этим текстом стоит огромная внутренняя работа с собой, со своим сознанием, отравленным в деструктивной среде. Это тяжелый период возвращения к жизни, к профессиональной деятельности, к близким. Спасибо Марии и за этот труд, проделанный ради себя, но в итоге ради читателей и нас всех. Не будь его, такая книга не могла бы быть написана и не могла бы быть написана именно так — чтобы через положительный опыт преодоления созидать в читателях что-то хорошее.

И особенно с пользой для себя прочтут эту книгу любители православной аскетики. Дело в том, что «Исповедь» помогает в приобретении такой святоотеческой добродетели, как рассуждение помыслов, страстей и добродетелей (см. «Лествица», Слово 26), то есть умения различать настоящее от подложного, истинных пастырей от волков, вредное для души от полезного, нормальную духовную

пищу от яда. А у православного мейнстрима в нашей стране с этой добродетелью вообще все не очень хорошо и уже давно (как минимум с 20–30-х годов XX века, когда многие верующие из ложно понятого послушания поддержали свое церковное начальство, которое поддержало коммунистов-безбожников). Кстати, о «Лестнице» автор пишет с какой-то особой горечью — это одна из немногих ярких эмоций в книге (так-то вообще «Исповедь» написана сдержанно и по-деловому). Автор спрашивает: кто разрешает продавать такую прекрасную рекламную брошюру монашества, как «Лестница», в каждой церковной лавке? Но повесть Марии не оставляет ощущения, что монашество по святым отцам исчерпывается страхом и рабством, которые устроила у себя в монастыре игуменья. Это видно в размышлениях автора, в цитатах святых отцов, которые она приводит. За ними стоит, как мне кажется, простой вопрос: пережитое бывшей послушницей в монастыре — это и есть то самое, о чем говорится у аввы Дорофея, Игнатия (Брянчанинова), Илариона (Домрачева) (автора «На горах Кавказа»), у того же Иоанна Лествичника?

Может быть, Мария со мной и не согласится, но «Исповедь бывшей послушницы» — это все-таки тоже реклама монашества, только другого, того, о котором она прочитала в книгах. О многих вещах в своей монашеской жизни автор говорит с большой любовью: немногочисленные службы без торжественности, молитва, осмысленная работа, общение с некоторыми сестрами, забота о животных, ее обращения к Богу, к Евангелию, старания хранить верность монашескому призванию, — все это ей удавалось

осуществить, хоть и не благодаря монастырю, а вопреки. Все это помогало ей там выживать и не отчаиваться, хотя и отложило, видимо, ее окончательный уход. Но почему нельзя все эти вещи делать на тот же монашеский лад, но без монастырских стен? В какой-то момент мне даже показалось, что решение найдено — когда Мария с другой монахиней оказались «на свободе» и могли бы продолжать жить монашеской жизнью вдвоем, помогать друг другу, совершать службы самостоятельно, молиться... На фотографиях этого периода, которые Мария тоже выложила у себя в ЖЖ, видна какая-то особенная радость.

Я могу только пожелать нам всем, несмотря на всю утопичность такого пожелания, чтобы повесть Марии о том, как воплощаются идеалы древнего монашества в современных монастырях, продавалась в каждой церковной лавке в комплекте с «Лествицей». Пусть человек, который захотел попробовать жить по-монашески, почитает одно, почитает второе и делает для себя выбор: мне в какое православие, в какое монашество из этих двух?..

Если бы Мария до того, как стала послушницей, прочитала этот рассказ — что было бы тогда? Помог бы он ей избежать ошибки, но все-таки осуществить свое стремление к монашеской жизни? Если хотя бы одному человеку это удастся после прочтения «Исповеди», значит, бомба попала в стену, загородившую от нас свет.

*Алена Чепель,
главный редактор сайта «Острова»*

**ВСЕГДА
ПОБАИВАЮТСЯ ТЕХ,
КТО ЖАЖДЕТ
ВЛАСТВОВАТЬ
НАД ДУШАМИ.
ЧТО ОНИ ДЕЛАЮТ
С ТЕЛАМИ?**

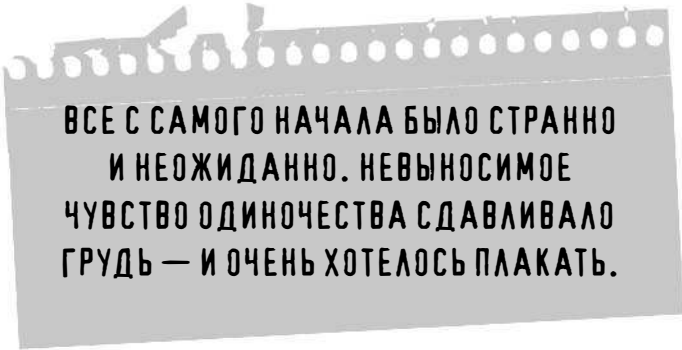
Станислав
Ежи Лец

На улице было уже почти темно, шел дождь. Я стояла на широком белом подоконнике огромного окна в детской трапезной с тряпкой и средством для мытья стекол в руках, смотрела, как капли воды стекают по стеклу. Невыносимое чувство одиночества сдавливало грудь и очень хотелось плакать. Совсем рядом дети из приюта репетировали песни для спектакля «Золушка», из динамиков гремела музыка, и как-то стыдно и неприлично было разрыдаться посреди этой огромной трапезной, среди незнакомых людей, которым совершенно не было до меня дела.

Все с самого начала было странно и неожиданно. После долгой дороги на машине из Москвы до Малоярославца я была ужасно уставшей и голодной, но в монастыре было время послушаний (то есть рабочее время), и никому не пришло в голову ничего другого, как только — сразу же после доклада о моем

приезде игумении — дать мне тряпку и отправить прямо в чем была на послушание со всеми паломниками. Рюкзак, с которым я приехала, отнесли в паломню — небольшой двухэтажный домик на территории монастыря, где останавливались паломники. Там была паломническая трапезная и несколько больших комнат, где вплотную стояли кровати. Меня определили пока туда, хотя я не была паломницей, и благословение Матушки на мое поступление в монастырь было уже получено через отца Афанасия, иеромонаха Оптиной пустыни. Он благословил меня в эту обитель.

**ВСЕ С САМОГО НАЧАЛА БЫЛО СТРАННО
И НЕОЖИДАННО. НЕВЫНОСИМОЕ
ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА СДАВЛИВАЛО
ГРУДЬ — И ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ ПЛАКАТЬ.**

После окончания послушаний паломницы вместе с матерью Космой — инокиней, которая была старшей в паломническом домике, начали накрывать на чай. Для паломников чай был не просто с хлебом, вареньем и сухарями, как для насельниц монастыря, а как бы поздний ужин, на который в пластмассовых лотках и ведерках приносились остатки еды с дневной сестринской трапезы. Я помогала матери Косме накрывать на стол, и мы разговорились. Это была довольно полная, шустрая и добродушная женщина

лет пятидесяти пяти, мне она сразу понравилась. Пока наш ужин грелся в микроволновке, мы разговаривали, и я начала жевать кукурузные хлопья, стоявшие в открытом большом мешке возле стола. Мать Косма, увидев это, пришла в ужас: «Что ты делаешь? Бесы замучают!» Здесь строжайше было запрещено что-либо есть между трапезами.

После чая мать Косма отвела меня наверх, где в большой комнате стояли вплотную около десяти кроватей и несколько тумбочек. Там уже расположились несколько паломниц и стоял громкий храп. Было очень душно, и я выбрала место у окна, чтобы можно было, никому не мешая, приоткрыть форточку. Заснула я сразу, от усталости уже не обращая внимания на храп и духоту.

Утром нас всех разбудили в 7 утра. После завтрака мы уже должны были быть на послушаниях. Был понедельник Страстной седмицы, и все готовились к Пасхе, мыли огромную гостевую трапезную. Распорядок дня для паломников не оставлял никакого свободного времени, общались мы только на послушании, во время уборки. Со мной в один день приехала паломница Екатерина из Обнинска, она была начинающей певицей, пела на праздниках и свадьбах. Сюда она приехала потрудиться во славу Божию и спеть несколько песен на пасхальном концерте. Было видно, что она только недавно пришла к вере и находилась постоянно в каком-то возвышенно-восторженном состоянии. Еще одной паломницей была бабушка лет шестидесяти пяти, Елена Петушкова. Ее благословил на поступление в монастырь ее духовник. Работать ей в таком возрасте было тяжелее, чем